

Ю.В. Ширин

Россия, Кемерово

Институт экологии человека ФИЦ УУХ СО РАН

Фантомы признаков кулайской культуры в археологических комплексах Верхнего Приобья и их осмысление исследователями

Историографические этапы становления современных представлений о кулайской культуре и кулайской культурной общности эпохи Раннего Железа уже неоднократно представлены [Чиндина, 1984; Федорова, Гусев, 2019; Чемякин, 2024]. Из этих обзоров заметно, что в самой процедуре выделения кулайской культуры (культур) много неочевидных моментов. Каждый из исследователей, предложив свою интерпретацию выявленных «кулайских» памятников, отмечал ряд проблем, требующих углубленного изучения. Но поставленные вопросы до сих пор остаются без ответов, что и привело к нынешней ситуации.

Исходные положения о свойствах «кулайских» памятников Верхнего Приобья, с их признаваемым пришлым характером, были сформулированы Т.Н. Троицкой [1979]. Так как о комплексах кулайской культуры в ее основном ареале, для которого отводилось Среднее Приобье, было еще мало что известно, то в качестве «кулайских» были выделены признаки не типичные для тех культур Верхнего Приобья, которые рассматривались в качестве субстратных. Для последующих работ характерно, что «кулайский» след в материалах того или иного памятника этого региона, по сути, угадывался благодаря выявлению такого признака как штамп «уточка» в орнаментации керамики, а также неких свойств памятников, не характерных для местных культур. В 1980-х гг. значительно активизировались археологические исследования в Барнаульско-Бийском Приобье. Накопленные материалы позволили барнаульским коллегам сформировать свой особый взгляд на культурно-исторический процесс в Верхнем Приобье [Горбунов, 2019].

Параллельно шло уточнение характеристик кулайской культуры Среднего Приобья, а также сходных с ними комплексов в Сургутском Приобье и в бассейне Нижней Оби. Южная группа памятников разрабатывалась во многих отношениях независимо от северо-таежной проблематики, что порождало противоречивые суждения по ряду вопросов культурогенеза. Следует сказать, что и археологи северных областей не особо вникали в проблемы южной периферии кулайской культурной непрерывности. Это привело к еще большему запутыванию ситуации при попытке обобщения материалов из ландшафтного пограничья — в Томском Приобье [Рыбаков, 2020].

Основной парадигмой для Верхнего Приобья по прежнему остается выстраивание эволюции регионального варианта «кулайской» культуры на базе миграционной гипотезы. За ней закреплена функция волшебной палочки, призванной «объяснить», как за несколько этапов проникновение таежного населения приводит к вытеснению прежних социальных лидеров Верхнего Приобья, которыми традиционно выступают кочевники.

Кульминацией новейшего этапа историографии стала серия работ А.А. Казакова [2022], в которых он изложил свои оригинальные взгляды на кулайский культурогенез в Верхнем Приобье. Критический разбор этих положений нами уже дан [Ширин, 2023].

Традиции, как продукт живой коммуникации поколений, понятие более объемное, чем признаки археологических культуры. Неочевидность логических процедур перехода от признаков к традиции дает обширный спектр сомнительных выводов. Вот почему, мне бы не хотелось, чтобы обсуждение обозначенных проблем велось на уровне анализа признаков и их субъективного понимания. Это ошибочный подход. Ряд тезисов оппонентов, которые со стороны могут показаться вполне приемлемыми, вызывают безусловное отторжение в связи с теми следствиями, которые они влекут за собой. Как правило, за этим скрываются различия в реконструкциях исторического контекста. Эти различия требуют прояснения, их необходимо всесторонне обсуждать.

Первый эпизод связан с перманентной активизацией взаимодействия степняков Приобья, Притомья и Причулымья с южной периферией таежного населения Среднего Приобья. Судя по внешним проявлениям «кулайских заимствований» в комплексах самой северной группы лесостепных памятников Верхнего Приобья, процессы, стоящие за этим, не могут быть датированы ранее рубежа IV-III вв. до н.э. До этого времени многих «кулайских» признаков нет в исходном ареале кулайской культуры. Всплывает проблема истоков их генезиса и последующей универсальности для обширных территорий. В таежных комплексах IV-III вв. до н.э. не только массово представлен бронзовый импорт из ареала степных культур, но и распространяются чужеродные традиции производства и орнаментации керамики. За этим мог стоять процесс тесного социального взаимодействия, в котором происходила инфильтрация носителей различных культурных традиций в обе стороны. Контакты таежного населения, вероятнее всего, шли именно с социально доминирующей группой степняков. Для Новосибирского Приобья данного периода — это носители каменной культуры, для Причулымья — тагарской.

Конец I тыс. до н.э. — рубеж эр — период социальной нестабильности в Верхнем Приобье, что выразилось в упадке местных культур, эпизодическом проникновении сюда саргатских групп, а также в усложнении городищ оседлого населения. К этому времени вполне определенно относятся погребальные памятники Ордынского периода, многие из которых утрачивают прежние «кулайские» черты. На этом фоне заметно активизируются связи таежного населения Среднего Приобья через Причулымье с ареалом тесинской культуры, в свою очередь находящейся под влиянием хунну. Требуется прояснения механизм взаимодействия носителей «кулайской» культуры с доминирующей социальной группой в Мариинской лесостепи, оставившей комплексы позднеатагарских памятников там, а также в более восточных районах.

Для преодоления наблюдаемого кризиса «кулайской» проблематики необходимо не только увеличение числа заинтересованных в данной теме исследователей, но и более активное накопление первичных наблюдений, как по Верхнему так и по Среднему Приобью. Только получение необходимого объема источников позволит поставить и эффективно разрешить объективные исследовательские проблемы. Примерные ориентиры дают нам работы по Сургутскому и Нижнему Приобью. При этом следует отметить, что и в контекстах северной «кулайской» проблематики накопилось немало противоречивых взглядов.

Список литературы:

Горбунов В.В. Кулайская культура // История Алтая : в 3-х т. Т. I : Древнейшая эпоха, древность и средневековье. Барнаул, 2019.

Казаков А.А. Алтайский вариант кулайской археологической культуры // Евразия в энеолите – раннем средневековье. СПб., 2022.

Рыбаков Д.Ю. Локальные особенности томского варианта кулайской культурно-исторической общности конца IV в. до н. э. – IV в. н.э. // Universum Humanitarium. 2020. №2.

Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1979.

Федорова Н.В., Гусев А.В. Кулайская проблема: история и современное состояние // Universum Humanitarium. 2019. №1.

Чемякин Ю.П. Западносибирская тайга в эпоху железа // Академическая история Югры : в 8 т. Ханты-Мансийск, 2024. Т. 1. Древняя Югра с начала заселения до конца I тысячелетия н. э. Часть 6. (В печати).

Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск, 1984.

Ширин Ю.В. О некоторых взглядах на культурную принадлежность памятников с фигурно-штамповой орнаментацией в Баранульско-Бийском Приобье // Из кузнецкой старины. Новокузнецк, 2023. Вып. 10.